

6/93

ДРУЖБА НАРОДОВ 6/93

ДРУЖБА НАРОДОВ

Николай Любимов

Неувядаемый цвет.

ГЛАВЫ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Исаак Дунаевский,
Людмила Головина*"Может быть, я Вас не понял..."*

ПОЧТОВЫЙ РОМАН

Галина Джугашвили

Дед, папа, Ма и другие.

ВОСПОМИНАНИЯ

Чеслав Милош

Наша Европа.

ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ ЛАУРЕАТА НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ

Владимир Медведев

Сага о бобо Сангаке, воине.

РАССКАЗ, ЗАПИСАННЫЙ НЕЗАДОЛГО ДО ГИБЕЛИ

ВЛАДИМИР МЕДВЕДЕВ

Сага о бобо Сангаке, войне

Поистине, Аллах не меняет того, что с людьми, пока они сами не переменяют того, что с ними.

Коран, сура «Гром», 11

Мемуары Сангака Сафарова, отрывки из которых вы прочтете ниже,— документ уникальный.

Постойте, перебьет меня придирчивый читатель, можно ли считать мемуарами рассказ о событиях, которые начались около года назад и еще не закончены? Отвечу: можно. Окружающий нас мир меняется столь стремительно, что события месячной давности — уже история. И как ни странно, в этой «вчерашней истории» белых пятен, пожалуй, даже побольше, чем в истории давних лет. Пример тому — современная гражданская война в Таджикистане. Написано о ней немало. Однако подлинные обстоятельства таджикской трагедии мы представляем себе столь же смутно, как и истоки и смысл пресловутой «борьбы с басмачеством», минувшей гражданской войны в тех же краях.

Что же там произошло и происходит? Большинство наблюдателей не усматривают в нынешней войне ничего неясного и дают событиям простые толкования: «выступление демократических сил против коммунистов», «столкновение кланов», «война регионов», «экспансия исламского фундаментализма»...

Что-то слышится родное в этих чеканных формулировках. Как там писали советские историки?.. «Басмачество — контрреволюционное националистическое движение против Советской власти в Средней Азии, организованное местной буржуазией и феодально-байскими элементами, действовавшими при поддержке иностранных империалистов, реакционных кругов некоторых соседних стран», и прочее и прочее.

Не стану опровергать ни тех, ни других. Скажу лишь, что вышеприведенные клише не имеют ничего общего с трагической, фантастически сложной и яркой действительностью. Надеюсь, в скором будущем «Дружба народов» сумеет познакомить читателей с подлинной историей гражданской войны в Таджикистане. Сейчас — лишь первый, беглый взгляд в глубину. Несколько эпизодов, рассказанных Сангаком Сафаровым, дают возможность представить, сколь причудлив узор событий, сколько невидимых подводных течений перемещается под видимой поверхностью боев и митингов, соединяясь и сталкиваясь, затягивая в завихрения сотни и тысячи людей.

Несколько слов о рассказчике. Сангак Сафаров, шестидесяти пяти лет от роду, неоднократно судимый и отсидевший в заключении в общей сложности двадцать три года,— лидер Народного фронта Таджикистана и народный герой. Сторонники, соратники и земляки, в том числе и русские, называют его бобо Сангаком — то есть дедушкой Сангаком, Стариком, Дедом, дядей Сашей... Один из моих друзей, эстет и философ, знающий о Сангаке, правда, только понаслышке, уверяет, что лет через сто он превратится в мифологический персонаж, наподобие Рустама из «Шахнаме» или Гуруглы, героя народного эпоса. Так оно наверняка и будет. Впрочем, он уже легендарен. Ни кто иной, как он, благословил нынешнего председателя Верховного Совета республики Эмомали Рахмонова при его вступлении в должность. Он же, бобо Сангак, обратился в новогоднюю ночь 1993 года с телевизионным поздравлением к народу Таджикистана.

Разумеется, это лишь светлая сторона его славы. Противники называют Сангака Сафарова уголовником, кафиром — неверным — и врагом ислама, рассказывают о его жестокости и несправедливости, обвиняют его в том, что он стремится восстановить в Таджикистане коммунистический режим.

Я записал воспоминания Сангака Сафарова в феврале 1993 года в Курган-Тюбе, где в то время находился штаб Народного фронта Таджикистана.

Трибун и оратор, он перемежал рассказы политическими речами и призывами, филиппиками против врагов. Я не считал возможным отделять «зерна от плевел», оставляя для публикации исключительно описания действий, поскольку Сангак Сафаров относится к людям, для которых слово столь же важно, как и поступок. Он вышел из среды, в которой жизнь человека зачастую зависит от верно сказанного слова.

Выдержки из рассказов я снабдил комментарием. Это ни в коей мере не анализ всей ситуации и не разбор причин гражданской войны, а всего лишь пояснения, без которых читатель вряд ли сможет оценить все своеобразие событий, о которых повествует Сангак Сафаров.

САНГАК:

Я никогда не скрывал и не собираюсь скрывать, что не раз был лишен свободы. Народ знает, за что я находился в заключении, за что был репрессирован мой отец, и не только он, но и почти весь мой род. Я — простой смертный и никогда раньше не занимался политикой. Жизнь заставила меня встать во главе моего народа. Хочу, чтобы люди не испытывали той боли и тех обид, что пережил я.

Исламисты обвиняют меня в том, что я — против ислама. Это неправда. Я, как и все мои земляки, мусульманин. Мы все верили и верим в одного Бога. У всех у нас один пророк Мухаммад. Все мы чтим Коран. Эту веру мы впитали вместе с материнским молоком.

Говорят, что мы кафиры, неверные. Те муллы и ишаны, что мучили народ и хотели создать у нас в Таджикистане мусульманское государство, утверждали, что мы с трехлетнего возраста пропитались коммунистическими идеями, что мы стоим за коммунистов. И это неправда. В моем роду никто и никогда не был коммунистом. Наоборот, коммунисты причинили моим близким и мне много горя, но я не держу на них зла. Я выступаю против людей, попирающих закон человечности, независимо от того, к какой партии они принадлежат.

Семья наша родом из Вахио, а я родился в кишлаке Фарки-Шоды, в Шугноу, где моют золото. Все мои деды и прадеды испокон веков работали на золотых приисках. Отец мой, Сафар Пирназаров был инженером и работал вместе с профессором Шумаковым, который в 30-х годах дал разработку золотоносного месторождения в Шугноу. Мальчишкой я почти все время проводил с отцом на приисках.

А со стороны матери все предки были кузнецами.

По происхождению мы — сейиды, состоим в кровном родстве по материнской ли-

нии с ишаном Султаном. Брат матери, мой родной дядя, мулло Абдулхак был первым учеником и помощником ишана. Это был высокий, мощный человек. Однажды во время гражданской войны его отряд, отступая, оказался в ущелье с водопадом, через который кони не смогли перейти сами. Моя дядя перетащил на себе через поток двадцать семь лошадей.

Мать рассказывала, как в Шугноу переносили старое кладбище, чтобы освободить место для золотых разработок. Разрыли и могилу мулло Абдулхака, похороненного рядом со своим отцом. Останки переносили, заворачивая в ткань. Прах отца, человека обычного телосложения, уместился в половине простыни. Кости мулло Абдулхака пришлось завернуть в целую простыню. Ключицы у него были, как у быка. Ребра — как у коня. Одно ребро оказалось наполовину перебитым. Это след пули, которой его ранили в Бальджувоне, где ишан Султан воевал против Энвер-паши. Когда ишан узнал, что мулло Абдулхак умер, он плакал горькими слезами.

А вскоре самого ишана Султана погубил Фузайл-максум. Этот Фузайл приехал к нему и сказал:

— Собери всех своих мюридов, будем бить чекистов,

Ишан Султан ответил:

— Хватит. Я не буду проливать кровь своих братьев. И так пролито достаточно крови...

И Фузайл, шакал, подлым образом повесил ишана и распустил слух, что казнили его чекисты. Этот Фузайл родом из Гарма, из Хаита, из того клана, что начал нынешнюю войну. С того-то еще времени и идет меж нами борьба. Но они не могли до сих пор воевать открыто и, лишь когда началась вся эта «гласность», подняли головы. Я напоял им:

— Я еще пацаном был, когда люди из Вахио, из Каратегина, с Дарваза приходили с сумками для подаяния к моему отцу:

«Сафар-джон, дай пшеницы или овса, чтобы дети с голоду не померли...» Я помню дни, когда вы ходили попрошайничать. Клянусь, что если не прекратите рознь, то время это для вас вернется...

(Так оно и вышло. И когда запыхало, когда побежали люди из Гарма и Каратеги-на куда глаза глядят, я встречался с беженцами. Все они мои родичи, знакомые.

— Ну что,— сказал я им,— помните, как я предлагал вам, пока не поздно, объединиться, прекратить войну? Что вы тогда отвечали? «Мы не остановимся, пока не сровняем Куляб с землей. Мир наступит лишь тогда, когда над Кулябом поднимется белое знамя». А ведь не кто иной, как кулябцы спасали вас от голодной смерти и до и после войны. Хатлон всегда спасал вас...)

Отца посадили в 35-м году. Он был еще совсем молодым, ему тогда исполнился тридцать один год (меня в последний раз посадили почти в том же возрасте — в 1960 году мне было тридцать два года, и я просидел в заключении восемнадцать лет). За что арестовали отца, я не знаю. В то время царила такая неразбериха, что достаточно было двум свидетелям обвинить человека в том, что он богат или что он мулла и тайно обучает детей, чтобы вынести приговор. Состоялся в Шугноу суд, проводили мы отца и больше его не видели. Я не знаю даже, где он похоронен.

Мать с детьми переехала в Куляб. Было нас четверо братьев. Самый младший, грудной, вскоре умер, второй, постарше,— два года спустя. Мать умерла в Кулябе в 52-м году. Похоронили ее без меня — в то время я, и старший брат находились в заключении.

Я не грабил, не убивал, не воровал. Свободы меня лишали из-за того, что я был слишком гордым, не желал сносить оскорблений. Из-за этого и страдал. Первый раз я попал «за решетку» в Ростове, когда служил в армии. Второй раз посадили меня в 57-м году, затем в 59-м и, наконец, как я уже упоминал, в 60-м.

В 1961 году я восстал против администрации лагеря в Душанбе, тогда еще Сталинабаде. Мы, заключенные, строили больницу Кара-Боло, масложиркомбинат, ЖБК... Жили в нечеловеческих условиях. Над нами издевались, нас избивали, калечили. Я организовал массовый невыход на работу — около тысячи человек бастовали против произвола администрации. Восстание жестоко подавили, а меня перевели в тюрьму, затем в одиночную камеру и двадцать семь дней держали в смирительной

рубашке. Били. Ломали, но не сломили. Тогда решили уничтожить. Меня должны были выбросить в «запратку» — запретную зону — и застрелить якобы при попытке к побегу. Спас меня начальник следственного изолятора Лаврентьев. Он не допустил преступления, опасаясь последствий. Я об этом узнал лишь несколько месяцев спустя, уже после суда, когда мне разрешили свидание с братом в кабинете Лаврентьева. Он при мне сказал брату:

— Я спас ему жизнь, а он мне сюрприз устроил. Спасибо, что вовремя остановили...

Он имел в виду восстание, которое я хотел поднять в тюрьме, когда сидел под следствием. Но нашлись предатели среди заключенных, которые работали на администрацию и сообщили о наших планах... Прибавили мне к сроку семь лет. А потом, когда я отсидел уже три четверти срока, добавили еще пять.

Долгие годы я провел на особом режиме в полосатой робе. Немало пришлось сидеть в одиночной камере. Но я и в одиночке не давал им покоя. Нас по всему Советскому Союзу было девять таких человек, числившихся на особом счету.

Но я и в тюрьмах, лагерях остался сам собой. В конце концов многое зависит от самого человека. С шелухой я не водился и сейчас держу их на расстоянии. Эти подонки и там всему вредили и пакостили. Я воспитал себя так, что, даже сидя в одиночке, никогда не прислушивался к тому, что происходит за стенкой. Иной раз входит надзиратель, окликает меня, а я его не слышу — настолько сосредоточен на своих мыслях или занятиях. Я установил свой режим — занимался, читал, играл в шахматы сам с собой.

С детства я остался необразованным. Удалось закончить лишь два класса. Так что жизнь заставила меня заниматься самоучкой, учиться у окружающих. В лагерях я общался с хорошими людьми, с теми, кто оказался репрессирован в хрущевскую эпоху. Среди них было немало умных и талантливых. Что-то я перенял от них. Помню одного — Халапова, баптиста, у которого в Москве была своя типография. Его как «резидента иностранной разведки» упрятали на пятнадцать лет. Человека упекли за религию — где справедливость?! Возраста он был такого же, как и я. Грамотный, умный. Талант. Он работал в промзоне чертежником и держался особняком. Идет на работу, приходит с работы — а ни с кем ни слова. И как-то мы друг другу понравились

и подружились. Он — баптист, я — мусульманин, а нашли общий язык...

Освободился я в декабре 1976 года и через год женился. Сейчас у меня восемь детей — четыре мальчика и четыре девочки. Недавно построил дом в Кулябе. Думал, наконец-то на старости лет обзавелся я семьей и собственным гнездом, буду жить спокойно. Но обстоятельства заставили меня бросить семью и детей и взяться за оружие...

В бурной истории крестьянских восстаний и гражданских войн в Средней Азии Сангак Сафаров далеко не первый народный вождь, за плечами которого — тюрьма или каторга. Однако никому из предшественников не удавалось вознестись столь высоко. Дело не только в его мощной, харизматической личности и стечении обстоятельств — этого, вернее всего, было бы недостаточно для того, чтобы стать во главе народного движения. Секрет возвышения Сангака в том, что он одновременно принадлежит к двум лежащим в разных планах мирам и опирается, как на два крыла, на две традиции.

Одна из них — традиция криминальная. К началу 60-х годов возродился разрушенный Сталиным воровской закон, и в недрах Страны Советов сложилось тайное криминальное «государство», управляемое своей собственной «командно-административной системой» — чуть ли не точным подобием советской государственной машины. Вся страна была поделена на области, каждой из которых руководил как бы секретарь теневого криминального обкома — в ор, уполномоченный «центром» вершить суд и закон на подвластной ему территории.

Сангак Сафаров никогда не был в о р о м в з а к о н е и даже не входил, по-видимому, в криминальные структуры. Однако его авторитет в местах не столь отдаленных — на островах современного архипелага ГУЛАГ, разбросанных по всему Союзу, — был чрезвычайно высок. Подобных ему людей в з о н е называют б у н т а р и или воины. Воин — последовательный и непримиримый борец против лагерной администрации, не идущий ни на какие компромиссы. Не входя «официально» в воровскую командно-административную систему, воин принадлежит к самым высоким слоям лагерной элиты и оказывает огромное влияние на внутреннюю жизнь зоны.

Аура лагерного авторитета окружает воина и на воле. Сангак Сафаров —

скромный кулябский буфетчик дядя Са-ша, торгующий пивом, водкой и шашлыками, сохранил в криминальных кругах все свое влияние, хотя и держался от них особняком. Среди земляков его обаяние сильной личности подкреплялось и усиливалось происхождением — потомственным званием с е й и д а.

Сейиды в исламской традиции — прямые потомки пророка Мухаммада (да будет он благословенен). В большинстве мусульманских стран они составляли высший слой традиционной социальной иерархии и пользовались высочайшим религиозным и политическим авторитетом. Правители гордились званием сейида не меньше, чем престолом. (Любопытное высказывание эмира Абдулахада, отца последнего бухарского эмира Алим-хана, любил пересказывать своим ученикам замечательный знаток Средней Азии профессор Александр Александрович Семенов:

«Помнится, как-то я спросил:

— Ваше высочество, почему вы слово «сейид» всегда ставите прежде всех ваших имен, званий и титулов?

Эмир в это время сидел за трапезой. Он отложил кость, которую высасывал, вытер жирные пальцы и ответил:

— Эмиром я могу быть сегодня, а завтра очутиться в ничтожестве, буду свергнут, перестану быть эмиром, государем. А звание сейида у меня никто не может отнять, ибо оно наследственное, родовое».)

Не всякий сейид становился правителем. Более того, обнищавшим потомкам пророка (да будет он благословенен) приходилось порой заниматься черным крестьянским трудом. Дед знаменитого ишана Султана, о котором еще пойдет речь, в молодости был бедняком дехканином. Но правителем мог стать лишь человек, происходивший из высших сословий — сейидов или х о д ж е й, потомков первых арабских завоевателей. Его право на власть должно быть освящено историей. Традиция эта сохранилась и до наших дней. Народ по-прежнему чтит сейидов, а сейиды по-прежнему гордятся сословной исключительностью (Сангак Сафаров сказал мне: «В наших краях только мы, сейиды, имеем право определять, какой должна быть вера»).

Посторонним, «европейцам», эта и многие другие особенности среднеазиатской жизни почти незаметны. Они выходят на поверхность, как лава при извержении вулкана, и проявляют свою силу в периоды социальных катастроф и катаклиз-

мов. Тогда-то и обнаруживается, что современный Таджикистан, страна гигантских гидроэлектростанций, страна, где добывается уран и производится сверхчистый алюминий, где в глухих горных кишлаках принимают с помощью спутников телевизионные передачи из России и Ирана, — что страна эта наполовину погружена в прошлое. До сих пор политику здесь во многом определяют старинные традиции, былая иерархия племен и древних княжеств и бывшие меж ними распри...

Внешние, чуть ли не декоративные изменения, которые советская власть произвела в структуре среднеазиатского общества, не затронули его главной основы — сельской общины. Размышляя об этом, востоковед Сергей Панарин, исследователь массовых волнений на Востоке, заметил однажды, что в Средней Азии в сталинское время развитие общества происходило несколько иначе, чем в других республиках СССР. Среднеазиатская деревня нужна была плановикам Центра не как источник неквалифицированной рабочей силы в промышленном строительстве, а в своем традиционном земледельческом качестве. Не так уж важно, что при этом использовалась та же колхозная форма — все равно драма коллективизации в Средней Азии не была доиграна до российского финала. На плантациях нужны были люди, по самому образу жизни подготовленные к упорному кропотливому труду...

В «минуты роковые» сельская община становится мощной политической силой. Здесь каждый человек на виду. Здесь царит безоговорочное подчинение младших старшим и традиционное преклонение пред властью имущими. Община способна в одночасье поднять сотни седых стариков и зрелых мужей и послать их в город на митинг или бросить молодых парней в бой.

Вместе с тем община родственными связями прорастает во все сферы и слои общества. С ней остаются связанными и большие боссы из верхних эшелонов власти, и крутые парни из подпольного, криминального мира.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что во время предвыборной кампании кандидат в президенты Таджикистана Рахмон Набиев, нуждавшийся в поддержке кулябцев, вышел на воина и сейида Сангака Сафарова, который не только пустил в ход свое влияние на юге республики, но и ездил на север, в Худжанд, собирать голоса для будущего

главы государства. Я предполагаю, что роль бобо Сангака в избрании президента была немалой.

К помощи людей, способных управлять поведением общин, обращалась и оппозиция. В нашей печати немало писали о тесном сотрудничестве Демократической партии Таджикистана с Исламской партией возрождения. Таджикиские демократы, немногочисленная группа интеллигенции, не имевшая поддержки среди сельских жителей, составляющих большинство населения республики, использовала влияние на крестьянские общины многолюдной и разветвленной исламской партии, запрещенной правительством и находящейся в подполье. В свою очередь, фундаменталисты, действуя через демократов, получали возможность открытой, легальной борьбы.

Такова общеизвестная схема. Верна ли она? В разговоре со мной мулло Ходжа Хайдар Шарифзода, имам-хатыб городской кулябской мечети, имея в виду лидеров исламской партии, фундаменталистов, которых он именует ваххобистами, сказал:

— Вся сила, что у них есть, — от ишанов. Если бы ваххобисты не соединились с ишанами, то люди из Гарма и Каратегина не верили бы ваххобистам и не помогали бы им.

То же самое я слышал от разных людей.

Гармские, каратегинские и кулябские ишаны до самого последнего времени враждовали с фундаменталистами. По словам писателя Амиршо Рахими, ишан Саидашраф часто говаривал:

— Если сидя рядом, коснешься ваххобиста полой одежды, то надо эту полу отрезать и выбросить вон...

Тем не менее, года полтора или два назад большинство ишанов встали на сторону Исламской партии возрождения и именно благодаря их влиянию на сельские общины демократам и фундаменталистам удалось собрать такое множество людей на супермитинги осенью 1991 и весной 1992 года.

В этом влиянии на народ нет ничего удивительного, ибо в самом уже слове — «ишан» — звучит глубокое уважение. Оно и не означает ничего, кроме выражения почтительности: ишан (или эшон в таджикском произношении) — это персидское местоимение 3-го лица множественного числа, то есть, попросту, — «они», и его употребляют, когда за глаза упоминают уважаемого человека. В Таджикистане и во всей Средней Азии этим

почтительным местоимением называют шейхов, усадов или пиров — глав и наставников суфийских братств.

Когда речь заходит о суфизме или тасаввуфе, в памяти прежде всего возникают имена великих поэтов мусульманского Востока — Джалаледдина Руми, Саади, Амира Хосрова Дехлеви, Хафиза, Джами, образы мистиков, мудрецов и аскетов. Но мало кто знает о крестьянском суфизме.

Суфизм — не только мистический путь избранных искателей истины. Это одна из главных жизненных опор простого люда, суфийские шейхи, ишаны, оказывают огромное воздействие на сокровенную жизнь мусульманских общин в Средней Азии. Непосвященные «европейцы» приписывают подобное влияние муллам, но это неверно. Мулла и ишан олицетворяют две различные, взаимодополняющие стороны духовной жизни мусульманина из народных низов.

Мулла регулирует те отношения верующего с Богом, что основаны на законе. Это «внешняя» сторона религии, скелет и мышцы ислама — строгий канон, суровый и ясный закон веры, всеобъемлющая дисциплина шариата. Сила муллы — в книжном знании. Святыище муллы — мечеть, молитвенный дом.

Суфийский шейх или ишан — заступник за человека перед высшими силами. Он участвует в повседневной личной жизни каждого из своих последователей — мюридов, помогая им в заботах и бедах своим чудодейственным даром. Это душа и сердце веры. Сила ишана — в каромат, способности творить чудеса. Святыище ишана — мазар, святое место.

Во многих селениях Средней Азии — чуть ли не в каждом — есть свой шейх, живущий при мазаре, гробнице местного святого, обычно одного из предков ишана, от которого передавались по наследству из поколения в поколение святость и способность совершать чудеса. По наследству передаются и мюриды. Жители кишлака и окрестностей остаются учениками нынешнего ишана, как их отцы и деды были последователями его деда и отца. К знаменитым ишанам сотни и тысячи мюридов приезжают за советом и благодатью издалека, зачастую из соседних республик.

В прошлом стать мюридом, «отдать руку шейху» означало полностью ввести себя наставнику и отказаться от собственной воли. «Ученик в руках шейха, словно труп в руках обмывальщика», —

говорили на Востоке. Не только простолюдины, но и сильные мира сего, высшая аристократия, начиная с эмиров, «отдавали руку» крупным суфиям. Так, скажем, кокандский ишан Миян-Фазлий-Ахад укрывал от ханского гнева преступников, и хан из уважения к ишану прощал их. Правда, к началу XX века влияние ишанов на высшие слои общества стало снижаться, но среди простого люда они пользовались по-прежнему непререкаемым авторитетом. «В настоящее время в мусульманских странах суфии являются главными духовно-нравственными руководителями народа», — писал в конце прошлого столетия русский востоковед Н. Маллицкий. Еще сравнительно недавно ишаны были узловыми точками незримой, пронизывающей все общество структуры — сети суфийских братств, которая подобно нитям грибницы раскинулась под поверхностью почвы, связывая воедино различные слои, прорастая и в глиняные хижины бедняков, и в глиняные дворцы правителей.

Впервые фигура ишана выросла перед русскими властями во весь рост во время Андижанского мятежа, поднятого в 1898 году минтюбинским Дукчи-ишаном. После массовых волнений в Туркестане в 1916 году начальник Андижанского уезда полковник И. А. Бржезицкий писал в рапорте военному губернатору Ферганской области: «Все происходившие беспорядки явно доказывают, что туземцы не восприняли еще гуманных начал русского владычества, что выше нашей власти у них стоят ишаны...» Для наведения порядка он, среди прочего, в качестве первой меры предлагал, пользуясь военным положением в стране, «экстренно выслать из Туркестанского края навсегда всех ишанов».

Ишаны непременно принимали участие во всех крупных выступлениях против властей и зачастую сами поднимали народ.

К сожалению, никто из советских историков не исследовал роли ишанов в «басмаческом» движении, гражданской войне в Средней Азии. Она, несомненно, велика, хотя и неоднозначна. Часть ишанов в конечном итоге поддержала новую красную власть, другие до конца оставались ее непримиримыми врагами. Было бы весьма любопытно разобраться в сложном переплетении мотивов, подсказывавших выбор и тем, и другим.

Самой примечательной личностью из всех ишанов, поднявших зеленое знамя газавата в Восточной Бухаре, был ишан

Султан, из рода которого, как вы уже знаете, происходит Сангак Сафаров.

(Память о знаменитых ишанах надолго остается в народе. Я наблюдал однажды в одном из горных кишлаков ее живое проявление. Мы стояли возле единственного в селении магазина, расположенного у дороги. Площадка перед магазином — своеобразный клуб. Здесь всегда немало народу. Со стороны может показаться, что мужчины проводят в безделье целые дни. Это не так. Жизнь в горах неспешна, но полна трудов и забот. Постойте с часок, и вы заметите, что общество в «клубе» постоянно обновляется. Одни уходят, появляются другие. Магазин расположен так, что, куда бы ни шел человек, он непременно проходит мимо. Останавливается, узнает новости, рассказывает свои, отводит душу в беседе с односельчанами и идет дальше по своим делам. Почти каждый успевает побыть мимоходом возле магазина несколько раз за день.

Так стояли мы, беседуя, когда на дороге остановился большой грузовик. В горных деревнях, как и во всяких других, люди всегда внимательно всматриваются в каждую проезжающую машину, но тут все особенно оживилось. Из кабины вышел шофер в сером ватнике — парень лет тридцати с широкой, мягкой улыбкой на круглом лице. Это была никому не адресованная улыбка всеобщего любимца и очень уверенного в себе человека.

Заулыбалось и все общество: несколько важных совхозных начальников, стоявший тут же завмаг, старики, бородастые мужики и застенчивые юнцы, молча слушавшие беседы взрослых. Все гурьбой двинулись навстречу шоферу. Каждый широко раскрывал объятия:

— Ас салому алейкум!

И каждый обнимал и троекратно целовал его. Было видно, что каждый, независимо от возраста и положения, искренне рад ему и у каждого с ним какие-то свои, особые отношения.

— Кто это? — спросил я.

— Это ишан Худжа из кишлака Худифи-Эшоно, что там, повыше в горах...

— Ну, а чем он прославился? Почему все так рады ему?

— Он шофер. Простой шофер. Все очень уважают его ради имени его деда.)

Яркий отсвет славы легендарного предка ложится и на бобо Сангака, ибо кровное родство с шейхом хотя и не делает его ишаном (необходима непосредственная передача б а р а к а т, благодати), но наделяет особым почетом в наро-

де. А посему о предке его следует рассказать подробнее.

Ишан Султан — шейх из Вахио, области, соседней с Дарвазом, жил в кишлаке Язганд. В окрестных селениях насчитывалось несколько тысяч его мюридов. Немалая их часть зависела от него как от «танходора» — ишан владел т а н х о, правом взимать с хозяйств государственного налога и забирать его себе. Кроме того, имел он мюридов в Дарвазе, Каратегине, Гиссаре, Кулябе и Бадахшане и был известен в Бухаре, при дворе эмира.

После бухарской «революции» 1920 года сейид эмир Алимхан, бежавший в Гиссарскую долину, вызвал ишана Султана вместе с другими видными людьми Восточной Бухары в Душанбе. Здесь ишана ждала нечаянная радость — эмир пожаловал ему чин с у д у р а, один из высших в ханстве. Некоторое время ишан пробыв при дворе, а когда его высочество изволил покинуть Душанбе при приближении красных, вернулся к себе в Язганд и начал готовиться к войне.

Он провозгласил газават и собрал местных чиновников — кази Курбона, Акабара-турсабо, Саидали-урака и других — и пересказал им то, что было решено на большом совете у эмира. Велел, чтобы и они собирали людей. Сам он вооружил несколько десятков мюридов оружием, которое привез из Душанбе, и встал во главе отряда. Число джигитов быстро росло, и вскоре под его началом собралось около семисот бойцов. Передвигаясь по горным тропам, отряд ишана Султана закрывал подступы к Дарвазу. Несколько раз он вступал в стычки с частями Гиссарского экспедиционного корпуса, которые, вытеснив эмира Алим-хана за рубеж, пытались по долинам рек Обихингоу и Яхсу пробиться к Каляихуму. Прорваться так и не удалось, хотя повстанцы, в том числе и отряд ишана Султана, неоднократно терпели поражение.

В июле 1921 года новое, «революционное» бухарское правительство попыталось вступить в мирные переговоры с лидерами повстанцев. В Вахио прибыл представитель новой власти, чтобы предложить ишану высокую должность. Ишан Султан со своими моджахедами приехал в кишлак Маргак, а красный отряд расположился на противоположном берегу горной речки Хингоу в кишлаке Сайёд. Несколько раз представители то одной, то другой стороны пересекали реку, пока наконец не договорились обо

всем. И тогда, переправившись на плоту, в Маргак прибыл сам командир красного отряда с подарками для ишана. Ишан Султан, как рассказывают, подарил в ответ командиру свой чекмень, который не брали пули — как бы волшебный бронежилет. Рассказывают, что он всегда надевал этот чекмень в бой, а вечером вываливал из-за пазухи пригоршню пуль... Через несколько дней ишан Султан отправился в Гарм, чтобы занять пост председателя революционно-го комитета.

Вспоминая о своем предке, Сангак Сафаров был не вполне точен, утверждая, что ишан Султан выступил против Энвер-паши, знаменитого предводителя Мусульманской армии. Напротив, именно ишан Султан отправился в Кокташ, чтобы выволить Энвера, которого не менее знаменитый Ибрагим-бек держал в плену¹. Во время боев в Бальджувоне, о которых упоминает Сангак Сафаров, отряд ишана Султана бился на стороне Энвера против красных.

После гибели Энвера между тогдашними полевыми командирами началось яростное соперничество. Единства меж повстанцами не было и прежде — Энверу удалось лишь ненадолго сплотить их, но при первых же неудачах хрупкое согласие дало трещину, а после гибели главнокомандующего сразу же развалилось. Каждый вновь принялся действовать на свой страх и риск. Слишком остра была борьба честолюбий, слишком сильны племенные, родовые и национальные противоречия. Соперником ишана Султана был курбаши Фузайл-максум, обосновавшийся в Каратегине. Между ними шла давняя скрытая война за первенство, в которой ишан одержал временный верх, когда был назначен председателем ревкома в Гарме. Но Фузайл не уступал. История их борьбы заслуживает особого рассказа, для которого здесь, к сожалению, нет места. В конце концов Фузайл-максуму удалось хитростью арестовать ишана Султана и его брата ишана Сулеймана. Его люди разграбили дом ишана в Язганде, забрали все самое ценное, снимая платья и украшения с женщин и, арестовав также третьего брата, ишана Шо-Рахматулло, привезли в Тавильдару.

Будь ишан простым человеком, его без долгих разговоров попросту застрелили бы или удушили. Но его известность и по-

пулярность в народе требовали громкого политического процесса. Для суда над ишаном Султаном Фузайл собрал в Тавильдару «всех мулл мира», как выразился один из дарвазских стариков, рассказывавший мне об этом суде.

В Тавильдару действительно приехало все чиновничество, муллы, казии и муфтии, чтобы судить преступников по шариату. Их обвиняли в том, что они предали красным — «этот ишан Султан стал джадидом, идет впереди солдат».

— Говоря: «Месть, месть!» — его схватили... — рассказывал Саидахмад Мирахмадов из кишлака Сангеви. — После этого собрали о л и м о в, ученых людей, чтобы они дали ривоят¹ о том, что смерть для него дозволена. Муллы дали ривоят и поставили печать. Этот ривоят Муллоходжа из Умарка и Шихак из Зинга принесли к мирохуру² Махамад-Ризо в Тогмай, а здесь муфтием был мулла Лутфулло. Принесли, доставили эту бумагу — мне тогда было двадцать два года, и я видел на улице своими глазами, как они приехали, — а затем, подписав, поехали дальше... Увезли тот ривоят, и ишана Султана в Тавильдаре повесили.

Казнь через повешение считалась не только позорной, но и губительной для души осужденного. По поверью, душа повешенного уходит через пятки и попадает в ад, если же человек застрелен или зарезан, то душа его вылетает из рта прямо в рай.

О смерти ишана и его брата повествует народная баллада, которую я записал в кишлаке Кеврон со слов Саидахмада Умарова. Привожу ее в моем переводе:

Четыреста военных джигитов
Ишана схватили, связали...
Собрался тут весь Дарваз,
Пал пред Максумом наземь,
Рыдая: «Максум, эй, Максум,
Освободи святого...»
Все бедняки из Вахъё
Лежат в городских воротах,
Твердят лишь эти слова,
Вокруг ничего не слыша.
Сказал ишан Сулейман.
«Нет в мире правды,
Судьба наша — в судный день
Отправиться прямо в пекло...»
Прибыл туда Данияр,
Данияр-кровопийца,
Накинул на шею чилбур³
И повесил ишана.

¹ Юридическое заключение мусульманских законоведов, основанное на шариате.

² Один из средних чиновников в Бухарском эмирате.

³ Шерстяная веревка

Хотелось бы мне услышать баллады, которые будут петь о бобо Сангаке в будущем... Что же до прошлого, то я недавно углубился в него, комментируя события настоящего: для традиционного общества Средней Азии события семидесятилетней давности — всего лишь вчерашний день. Нынешняя гражданская война в Таджикистане во многом повторяет прежнюю и, более того, является как бы ее продолжением. В пресловутой «борьбе регионов», примером которой служит война Фузайла-максума с ишаном Султаном, не победила ни одна сторона. Спор прервался на полуслове и надолго умолк после грозного окрика советской власти, подкрепленного кулаком. Но как только разжался на время кулак, спор вспыхнул с новой, небывалой прежде силой.

Итак, спор регионов... Слова сии останутся пустым звуком, мертвым клише, если не разобратся хотя бы в самых общих чертах в том, что такое эти «регионы» и как складывались отношения меж ними.

Оставим в стороне «север» и обратимся к «югу», где и происходили события, о которых вспоминает Сангак Сафаров. В античное время эта территория составляла северную часть Бактрии, одной из богатейших и культурнейших областей восточного мира. Бактрию сменила держава Кушан. Вторжение Сасанидского Ирана и кочевых народов привело к гибели Кушанскую империю, и территория вошла в состав Эфталитского государства... В средние века в этих местах образовался ряд небольших княжеств. На протяжении нескольких столетий их поочередно завоевывали: турки, арабы, саманиды, газневиды, караханиды, сельджуки... Правда, местные княжества довольно быстро восстанавливали свое хозяйство и обретали фактическую самостоятельность, находясь лишь в вассальной зависимости от завоевателей.

Решающий удар их процветанию нанесло монгольское завоевание. Была разрушена созданная трудом многих поколений ирригационная сеть. Именно этим объясняет С. П. Толстов экономический и культурный упадок Средней Азии, ссылаясь на замечание Маркса о том, что в странах Востока, где ирригационное земледелие составляло основу экономики, одна опустошительная война оказывалась способной обезлю-

дить страну на целые столетия и лишить ее всей ее цивилизации.

Завоеватели, кочевые тюркско-монгольские племена, поселились на завоеванных землях. Вот тогда-то и возникла новая система передачи власти, новая удельная система, сыгравшая немалую роль в судьбе Средней Азии. Уделы раздавались теперь не представителям ханского рода, а основным племенам, составлявшим военную силу государства.

Спустя несколько столетий — новое вторжение. В конце XV — начале XVI века узбеки — кочевые племена из Дашти-Кипчака во главе с Шейбани-ханом завоевали Мавераннахр и вновь разделили весь край между племенами на уделы, или юрты. Поделена была и Восточная Бухара.

Плодородные Гиссарская и Вахшская долины, а также небольшие межгорные долины и удобные для земледелия пологие предгорья разделили между собой конграты, юзы, локайцы, семизы, кесамиры, ката-ганы, дурмены и другие тюркские племена. Бывшие кочевники, они постепенно осели на земле, занявшись земледелием и оседлым скотоводством. К началу двадцатого века кочевать продолжали лишь наиболее богатые семейства. Лишь они могли позволить себе вести привольный образ жизни своих предков. Впрочем, каждый род сохранял четкую военную организацию и привычку к набегам, от которых страдали соседние таджикские кишлаки.

Таджикские княжества Дарваз, Каратегин, Куляб, Вахио занимали труднодоступные и малоземельные горные области по краям тюркской ойкумены.

Княжества непрестанно враждовали между собой. Время от времени то один, то другой из феодалов запросто, по-свойски наведывался к соседям — пограбить или отомстить за обиду, свежую или старинную. О почти буколической простоте, с какой велись войны, свидетельствует рассказ, записанный этнографом Н. А. Кисляковым, о том, как в кишлак Иштун в Вахио прибыл из Каратегина калаилабиобский шах — то есть тамошний князек — с целью захватить для своего гарема несколько красивых девушек. Иштунский правитель заперся в крепости, а население стало бросать с крепостных стен в нападавших зажженные снопы соломы, и таким образом на этот раз нападение было отбито...

К концу девятнадцатого века это беспрерывно воюющее между собой сообщество было покорено бухарскими ханами и окончательно вошло в состав Бухарского ханства под названием Восточная Бухара. Весь край был поделен на несколько областей или бекств: Гиссарское, Кабодиёнское, Кургантюбинское, Балджувонское и Кулябское, которые управлялись беками — наместниками, присланными из Бухары.

В 1920 году, когда был свергнут эмир, новому правительству Бухарской республики пришлось заново покорять своевольную Восточную Бухару. Различные ее области выступили на защиту законного правителя — эмира и одновременно вступили между собой в борьбу за власть. Все это чрезвычайно напоминало нынешние события: те же стычки вооруженных отрядов, то же бегство мирного населения за границу, в Афганистан, те же требования вывести русские войска.

Можно по-разному оценивать коммунистическое вторжение в Восточную Бухару, ставшую вскоре частью Таджикистана, но вряд ли кто-нибудь сумеет опровергнуть тот факт, что только новой тоталитарной власти, только мощному централизованному государству оказалось под силу возродить бывшее процветание этого края. К тому времени, когда конники Красной Армии ворвались сюда вслед за отступающим эмиром, широкие долины Амударьи и ее притоков, столь удобные для поливного земледелия, лежали в мерзости запустения. Трудно представить, сколь возделанными были эти места в древности, какая сложная сеть каналов покрывала некогда долины и что когда-то здесь в многочисленных городах развивались ремесла, науки, торговля. К началу двадцатого века древние поля покрылись болотами и солончаками, заросли тугаями — непроходимыми чащами камыша. Тростники поднимались выше человеческого роста. Водились в тугаях совсем рядом с людским жильем тигры.

В 30-е годы началось освоение долин Южного Таджикистана, куда власти переселяли жителей горных регионов — Куляба и Каратегина, Гарма и Дарваза. Людей вывозили целыми кишлаками, и они, естественно, поселялись на новом месте прежними общинами, сохраняя связь со старой родиной и никогда не забывая, откуда они родом.

(Что такое родина в представлении

горца, я понял впервые, когда совсем еще молодым репортером стоял как-то с одним таджиком на вершине горы. Перед нами расстиралось прекрасное горное ущелье. Я не удержался и сказал спутнику:

— Как красива твоя родина.

Выспренность этой фразы отчасти извиняется ее искренностью и тем, что по-таджикски она звучала достаточно коряво, так как язык я знал тогда намного хуже, чем сейчас.

Спутник ответил:

— Это не моя родина. Это Дарай-талх, Горькое ущелье. А моя родина там — в Дарай-гургон, Волчьем ущелье, — и он указал на соседнюю узкую долину, видневшуюся в полукилометре от нас.)

В 60-е и 70-е годы последовали новые переселения, и теперь в долинах южного Таджикистана живут, как в Новом ковчеге, выходцы из различных горных районов вперемежку с узбекскими племенами и иными народами и народностями, прибывшими сюда добровольно или же по принуждению, как, скажем, некогда немцы или корейцы. Весь этот пестрый интернационал, которым любило похвастаться руководство республики как идеальным образцом достижений ленинской национальной политики, жил в мире и согласии, пока не разразилась гражданская война, когда связь с прежней родиной приобрела для многих большее значение, чем недавняя соседская дружба.

Это извечная драма, которая разыгрывается во время каждой революции, гражданской войны или народного восстания. Безотчетные движения народа неизбежно направляются сильными мира сего — элитами, которые используют его энергию для решения своих собственных задач и, умело манипулируя массами, загибают жар чужими руками. Они очерчивают линии разлома, по которым народ распадается на несколько враждующих родов. Можно провести эти линии по горизонтали, а можно и по вертикали. Можно расколоть соплеменников на бедных и богатых. Можно на гармцев и кулябцев. А если потребуются, то на шиитов и суннитов — две различные ветви одной веры.

В данном раскладе политических карт различие в вере оказалось несущественным, и памирцы-исмаилиты действовали совместно с суннитами — гармцами и каратегинцами. По-видимому, немалое значение для объединения имели полити-

ческие мотивы — лидер демократических сил Таджикистана, известный режиссер и кинооператор Давлат Худоназаров, баллотировавшийся на пост президента Таджикистана, — по происхождению памирец.

Было бы невозможно на нескольких страницах описать расклад сил и сложную ситуацию, предшествовавшую началу гражданской войны, да это и не входит в мою задачу. Читатель, бывавший в горах, без труда представит себе Таджикистан весной 1992 года накануне взрыва кровавого безумия в образе лавиноопасного участка. Есть такие места в скалах и на горных осыпях. Стоит лишь, проходя, неосторожно столкнуть малый обломок, как разом нарушается зыбкое равновесие, все вокруг приходит в движение и со склона вниз обрушивается смертоносная каменная лавина.

Роковым камнем стало заседание сессии Верховного Совета, транслировавшееся по телевидению, на котором спикер парламента кулябец Сафарали Кенджаев учинил оскорбительный разнос министру внутренних дел Навджуванову, памирцу по происхождению. На следующий день перед президентским дворцом на площади Шахидон собралась памирская молодежь, человек пятьдесят, которые требовали, чтобы министра оставили на посту и принесли ему извинения. Лавина тронулась, набирая силу... К памирцам немедленно присоединились люди из демократической и исламской партий, обществ «Растохез» и «Лали Бадахшон». Стали прибывать крестьяне из дальних горных кишлаков. О Навджуванове и думать забыли. Требовали отставки президента и правительства. Начался двухмесячный митинг, вылившийся в противостояние двух площадей — Шахидон и Озоди, и приведший к отставке президента Набиева и, в конечном итоге, к гражданской войне.

САНГАК:

Все началось с Навджуванова.

Даже президент сказал Сафарали Кенджаеву:

— Нельзя было так поступать. Винават Навджуванов — надо было вызвать его и сказать: «Все, дорогой! Иди на пенсию». Не следовало выносить сор из избы да еще транслировать все это по телевидению.

Но именно этот эпизод дал толчок событиям. И тут же сразу инициативу захватил ислам: казикалон воспользовался подхо-

дящим моментом. А памирцы, сами того не желая, оказались вовлечены в самую гущу борьбы. Я потом с ними разговаривал, и они мне сказали:

— Нам уже было некуда отступать.

(А Навджуванова я в должности восставил. Я убедил президента вернуть его на прежнее место. Таким путем я рассчитывал привлечь на нашу сторону памирцев. После этого Навджуванов, говоря обо мне, поклялся перед своей семьей:

— Это мой приемный отец, он вернул мне честь и достоинство. Я сделаю все, что он скажет...

Слова своего он не сдержал, и впоследствии, когда дело приняло дурной оборот, я позвонил ему и сказал:

— Ты, приемный сын, смотри, чтобы я, не дай Бог, не опозорил тебя прямо в присутствии твоей семьи.

Через два часа его разбил паралич.)

Наконец дело зашло так далеко, что правительство оказалось не способно контролировать положение. Президент тоже был бессилён, потому что часть депутатов, поддерживавшая идеи казикалона Тураджонзода, не давали ему возможности действовать. МВД и КНБ также работали на них и снабжали оружием исламских фундаменталистов. Площадь Шахидон была вооружена бронетехникой и стрелковым оружием. 5 мая удалось кое-как уговорить президента, и он дал указание, чтобы нам раздали оружие и создали батальон народных ополченцев. Это было вооруженное формирование законного правительства, президента. На площади Озоди собрались люди со всех концов Таджикистана и таджики из Бухары, Ферганской долины, из Кашкадарьи. Несмотря на то, что народу у нас было больше, чем на площади Шахидон, мы чувствовали, что силы неравны, потому что они были значительно лучше вооружены.

7 мая рано утром я последний раз встретился с президентом Рахмоном Набиевым. Вместе со мной были Рустам Абдурахимов и мой брат Давлат Сафаров. Я сказал президенту:

— В свое время вы нас не поддержали, и сегодня я вынужден увести народ с площади.

Мы попрощались с президентом, и он тут же уехал — куда, мне неизвестно. Рустам Абдурахимов, Давлат Сафаров и я вернулись на площадь и обратились к народу: мы не в силах противостоять оппозиции, чтобы сохранить людей, должны разъехаться каждый по своим местам. Народ

начал разъезжаться. У каждой группы, откуда бы она ни прибыла — из Куляба, Ленинабада, Бухары, Самарканда, — был свой транспорт. Люди разъезжались в автобусах и легковых автомобилях. Конечно, каждый звал меня с собой:

— Садись в машину, поедem с нами.

Приглашали меня и в Ленинабад, и в Самарканд, и в Курган-Тюбе. Но всем я говорил:

— Нет, я должен остаться здесь.

Почему я не уехал? Я предчувствовал: стоит мне покинуть эту площадь, как произойдет катастрофа. Хотя нам пообещали, что люди смогут беспрепятственно разъезжаться по домам, я знал, что все пути, ведущие из города, заблокированы боевиками оппозиции. Перекрыты дороги на Гиссар и Курган-Тюбе, Яван и Кафирнихон. Двадцать восемь боевых машин, БТР и БМП, которые шли со стороны Гиссара и Регара к нам на помощь, захвачены оппозицией.

Я вынужден был остаться на площади Озоди как заложник.

〈С одной из колонн, двигавшейся в сторону Куляба, отправился Давлат Худоназаров, чтобы гарантировать безопасность отступавших кулябцев.〉

(Я и до того много раз встречался с Давлатом как с земляком. Он хотя и памирец, но родился в Кулябе, я хорошо помню его отца. Во время президентских выборов Давлат был одним из кандидатов в президенты, но поскольку он сблизился с казикалоном Тураджон-зода, народ его кандидатуру не поддержал. Я предлагал ему:

— Давлат, уйди от казикалона. Мы должны уберечь народ, чтобы народ не шел за ним. Сейчас твой долг — объединить нас, чтобы не началась братоубийственная война. Я сделаю все для того, чтобы народ избрал тебя на пост президента. Сблизю тебя с президентом, чтобы он назначил тебя вице-президентом. Мы должны во что бы то ни стало не дать казикало-ну Тураджон-зода прийти к власти. Это человек жестокий и коварный. Не забывай, что вы, памирцы, — шииты, и, взяв власть, он в первую очередь уберет со своего пути шиитов. А затем и нас, кулябцев. Давайте объединимся. Мы, горцы, должны создать мощный кулак против казикалона...

Но Давлат не послушал меня. Он понял, что проиграл, после беседы с казикалоном, еще до того, как нас вооружили. Давлат сказал ему: «Тураджон-зода, ты занимайся делами веры, остальное поручи мне. Я наведу порядок». Казикалон ответил:

«Нет, Давлат, я найду тебе должность. Деньги-то мои расходуются, и я должен управлять».)

К двенадцати часам мы проводили последнюю группу. Последняя машина скрылась из глаз. Площадь Озоди опустела. Остались лишь мы трое — Рустам Абдурахимов, мой брат и я.

Я вызвал охранников и сдал им все помещения Верховного Совета, которые занимало прежде народное ополчение, начиная от подвалов и кончая площадью, где у нас была устроена кухня. Все было в полной сохранности. На кухне не оставалось ничего, кроме нескольких кусков брезента, костей и хвороста для растопки. Я не случайно обошел вместе с охранниками все закоулки до единого, так как предвидел, что оппозиция обвинит нас в том, что мы привели в негодность и разграбили государственную собственность.

Затем мы пошли в Управление пограничных войск, которое находилось возле площади Озоди, и попросили предоставить нам убежище до темноты. Они нас приняли.

Не прошло и получаса, как мы услышали на площади выстрелы. Позже мне стало известно, что там происходило. Около часа дня, когда на площади не осталось ни единой души, люди из оппозиции доставили сюда ящики с водкой и вином, разбросали наркотики и шприцы, вывалили на землю кучи хлеба... Все это должно было создавать впечатление того, что мы бежали в панике, а им удалось захватить на месте брошенное нами. Подготовив декорации, они начали телевизионную съемку, пытаясь создать видимость боя. Площадь была обстреляна из БТР, а затем на нее вступили боевики оппозиции. Затем по телевидению показывали, черня и пороча нас, трупы на площади, наркотики и шприцы, валяющийся на асфальте хлеб (оппозиция перехватывала продукты, которые народ отправлял на площадь Озоди, и последние три дня перед отъездом мы вообще сидели без единого куска хлеба). Распространили слух, что якобы где-то рядом с площадью в канализационном колодце нашли изнасилованную девочку. Телевидение и пресса были в их руках, и они могли делать все, что хотели.

Тем временем Управление погранвойск было блокировано боевиками, которые потребовали нашей выдачи. В это время в управлении дежурили два знакомых офицера — подполковник Римас Мичпаяльскас, который прежде служил в Кулябе,

и подполковник Джума, который часто приходил к нам на площадь Озоди. Входят они к нам и говорят:

— Мужики, требуют выдать вас. Извините, но мы вас ни защитить, ни держать у себя не можем. Мы нейтральны, и нам нельзя лезть в эту ситуацию. Придется вам выйти...

Я обратился к Римасу:

— Хочу поговорить с генералом.

Генерал Мартовицкий, начальник Управления пограничных войск — наш депутат, избранный в Кулябе, — находился в это время там же, в управлении. Однако он меня не принял. В это время опять вошел подполковник и поторопил нас:

— Мужики, надо вам выходить.

Я попросил:

— Римас, дай мне возможность позвонить по этому вот номеру.

Он провел меня в кабинет. Я позвонил неким людям и сказал:

— Я нахожусь у пограничников, в управлении. Но они — в нейтралитете и не хотят входить в конфликт. Просят, чтобы мы вышли и сдались...

(У нас было три автомата, но мы их сдали пограничникам. Себе я оставил пистолет и две обоймы.)

— У меня, — говорю, — «макаров» и шестнадцать патронов. Если за нами придут ваххобисты, я живым не дамся. Тринадцать патронов по ним выпущу, а три оставлю для себя, для братишки и друга, Рустама Абдурахимова...

— Нет, — отвечают мне, — выходи спокойно. Вас будут памирские ребята встречать.

С памирцами у нас были хорошие отношения. Мы вышли. Я сдал пистолет, нож. И тут же люди, которые толпились на крыльце управления, начали избивать нас. Их растолкала группа памирцев.

— Не трогайте бобо Сангака! Мы их забрали, мы за них и ответим.

Посадили нас в машину и отвезли на площадь Шахидон. Машину обступили каратегинцы:

— Отдайте их нам на расправу!

И как только нас вытащили наружу, меня тут же ударили толстой дубиной по голове. Содрали кусок кожи с волосами. Следующий удар — по спине. Нас колотили куда попало. Рустаму Абдурахимову разбили губу. Кто-то выстрелил и рикошетом ранил моего брата.

Памирцы окружили нас и утащили в подвал.

В подвале, конечно, начали бить. И тут

же появились журналисты, репортеры. Я был в тяжелом состоянии, но они подступили ко мне со всех сторон:

— Будешь говорить?

— Вы видите, — говорю, — в каком я состоянии... Я все же человек.

Стали угрожать мне ножами, автоматами.

— Ты против ислама, против кази... Да знаешь ли ты, кто такой казикалон?!

Я сказал:

— О том, каковы наши цели, о том, кто такой кази, я говорил перед всем народом на площади. И сейчас скажу... Я не боюсь.

— И при кази сможешь это повторить?

— Я сказал это ему в лицо 24 апреля в присутствии президента. Не побоюсь и сейчас.

В общем, они взяли у меня интервью. Я в своем последнем слове сказал:

— Мой народ! Хватит этих митингов и сборищ... Что бы обо мне ни говорили, не думайте, что я предатель. Я остался здесь не потому что в чем-то виноват, и не потому, что скрываюсь от позора. Я был борцом и всегда останусь борцом.

Честно говоря, я не думал, что выберусь оттуда живым. Но я знал, что если даже нас прикончат, то когда-нибудь правда все равно выйдет наружу.

Нас вновь принялись бить. Как ни старался казикалон, я стоял на своем и не сказал того, к чему он пытался меня принудить. Тогда он решил напустить на меня преступников — мародеров, грабителей, насильников, которые работали и работают до сих пор на него. Вошли в подвал человек восемьдесят во главе с Раджабом, одним из лидеров преступного мира, который тоже отсидел четырнадцать лет. Разумеется, многие — почти все — из этих подонков знали меня, кроме мальчишек, которые ничего дальше своего носа в жизни не видели и не испытывали. Началось давление на меня. Я сказал:

— Давайте, выкладывайте все — от и до... Я готов ответить на любой ваш вопрос. Все знают, какой путь я прошел и чем занимался в лагерях¹... Мне нечего скрывать. Но вы, — говорю, — не забывайте, что в любом государстве те, кто идет кровавым путем к власти, используют как оружие против своего народа таких неустойчивых людей, как вы. Вы оглянитесь, вы вспомните историю... Что случилось с князем Глебом в Рязани, когда он

¹ Раджаб, как можно понять, пытался устроить своего рода суд и доказать, что Сангак Сафаров нарушил воровской закон

предал свой народ?.. И что случилось с теми придворными, которые при вторжении Чингисхана в Китай отрезали голову императору и поднесли ее хану на блюде: вот, мол, мы, твои верные слуги, обезглавили твоего врага. Чингисхан ответил: «Император вскормил и возвысил вас. Вы были его приближенными, а в самую трудную минуту оказались предателями. И вы обещаете быть мне верными слугами?!» И он приказал одноглазому Субудая-баходуру, своему главнокомандующему, привязать их к конским хвостам и пустить в поле. Вот и вы уверены, что кази завтра придет к власти и даст вам полную волю: «Куляб в ваших руках. Вот эта долина — ваша. Курган-Тюбе — в вашем владении. Распоряжайтесь здесь сами как хотите». Будет так? Конечно, нет. Вас он уничтожит первыми. Вам ни от кого не будет ни пощады, ни прощения. Если победит народ, он сметет вас со своего пути. А придет к власти кази, вам тоже не жить. Запомните это...

Они принялись мне угрожать:

— Да ты знаешь, что за такие слова тебя...

— Я знаю, что говорю. Я отвечу за каждое свое слово. Это твердо и однозначно. Выкладывайте ваши обвинения.

И тут вошел Рахим, памирец. Он семнадцать лет провел в России, работал тренером, затем занялся рэкетом, у него своя банда. Он воевал в Нагорном Карабахе, Приднестровье, Грузии и, наконец, в Таджикистане. Это террорист, матерый террорист, который участвовал в убийстве прокурора Хувайдулоева. Он — сосед моего брата, живет в Душанбе рядом. Оказывается, Рахим все это время стоял в коридоре и слушал, что я говорил. Он вошел с двумя гранатами-лимонками и сказал:

— Ну что, убедились?! Я ведь говорил, что вы от него ничего не добьетесь. Последнее слово всегда останется за ним. Я семнадцать лет провел в России и знаю его друзей, знаю тех, кто был с ним от начала и до конца. И я в почете только благодаря ему... А теперь убирайтесь! За этого человека отвечаю я. Захочу — казню, захочу — помилию. Потому что сюда его привезли мои люди.

И он всех выгнал. Они ушли ни с чем, кази и на этот раз не смог ничего добиться от меня.

Ночью пришел Давлат Худоназаров.

— Ако¹ Сангак, — говорит, — я выпол-

нил долг, который был у меня перед кулябцами. Я проводил людей до самого Явана. Все благополучно.

Жена Давлата приходила к казикалону просить за меня. Это уже позже мне ребята передали. Позже мне стало известно и то, что все лагеря Союза восстали с предупреждением, что если со мной что-нибудь случится, то казикалон поплатится за это. Ну и народ восстал.

9 мая Рахим освободил моего брата. К тому времени нас уже подняли из подвала наверх, в кабинет, а через два часа после ухода брата мне дали возможность связаться с ним по телефону и убедиться, что он в безопасности. Потом я позвонил домой. Родные уже не надеялись увидеть меня в живых. Старуха моя, услышав мой голос, заплакала:

— Где ты находишься? Тут все говорят, что тебя убили...

— Я нахожусь у друзей, — говорю. — Скоро увидимся.

Но меня по-прежнему стремились уничтожить. Рахим спас меня тем, что скрывал мое местонахождение и постоянно переводил из комнаты в комнату. За пять суток я перебивал в одиннадцати кабинетах.

И вот 12 мая в четыре часа меня, можно сказать, выкрали из плена и доставили в Куляб. Сразу же по прибытии меня пригласили в штаб Народной гвардии, который располагался в ПТУ-28. Я пришел и увидел много для себя неприятного. Кое-кто начал допускать беспредел в самом Кулябе. Обижали и грабили семьи людей, которые принимали участие в митингах на площади Шахидон. Была даже создана специальная группа из мародеров. Я сказал, обращаясь к ребятам-боевикам:

— Этого допускать нельзя. Прекратите! Мы не должны поступать так, как поступают они по отношению к нашим людям. Иначе какая же разница между ними и нами?

Я категорически запретил всякое бесчинство. Те, кто виновен, должны ответить перед народом, но семьи их обижать нельзя.

В это время оппозиция усилила террор в Вахшской долине. Вначале они начали собирать средства на оружие — каждая семья должна была сдать определенную сумму денег. У народа отнимали имущество, скот, и все это переправлялось в Афганистан и обменивалось на оружие. Так за границу ушло множество народного богатства. Постепенно они заходили все дальше и дальше. Вначале запугивали людей, объявляя, что узбеки из Вахшской до-

¹ Старший брат (тадж.).

лины должны уехать в Узбекистан, а выходцы из Куляба — в Куляб. Угрожали, что те, кто не покинет добровольно территорию Кургантюбинской области, будут уничтожены. И в конце концов дело дошло до убийств.

Начались вооруженные столкновения. Оппозиции помогали афганские моджахеды, перешедшие границу. Использовали они и наемников. В «Известиях» в те дни была напечатана статья, где рассказывалось, что на стороне оппозиции воевали наемники из Ленинграда, из Азербайджана. Были и русские офицеры. Одного из них подбили в танке в Колхозабаде. Эти люди приезжали из разных мест ради денег. У убитых или взятых в плен наемников мы находили большие суммы. Ежедневно они получали пятьдесят тысяч рублей, а за каждый бой — пятнадцать — двадцать тысяч.

Местное население бежало от этого ужаса из Вахшской долины в Куляб и Душанбе. В Кулябе собралось почти сто тысяч людей, которые покинули дома раздетые, голодные, с детьми на руках, кто пешком, кто на тележках, везя то, что успели захватить.

Мы пытались прекратить братоубийственную войну. Четыре раза встречались с оппозицией в Курган-Тюбе, подписывали договор о перемирии, о прекращении огня, однако оппозиция тут же нарушала эти соглашения. 26 июня состоялась встреча в Хороге, на которую был приглашен и я. В переговорах участвовали председатель Верховного Совета Акбаршо Искандаров, депутат Сайфиддин Тураев, председатель Кулябского горисполкома Мирзоалиев, Рустам Абдурахимов... Со стороны оппозиции — Тахир Абдуджабаров, Аслиддин Сахибназаров и другие лидеры исламских фундаменталистов. Мы приехали на переговоры, потому что поверили, что после всех этих страшных событий люди наконец-то пришли к одному: братоубийственная война более немыслима, надо сесть за стол переговоров и договориться о том, как скорее прекратить военные действия.

Однако на следующий же день после переговоров оппозиция совершила нападение на Вахшский район — совхоз имени Куйбышева. В совхозе «Туркменистан» были произведены массовые убийства. В совхозной бане собрали и зверски убили сто восемьдесят шесть человек. Один из них чудом остался жив, он потом дал показания и выступал по телевидению с рассказом о том, что там происходило.

Вернувшись из Хорога и узнав о тех ужасах, что происходят в Вахшской долине, мы решили, что так больше продолжаться не может — надо идти на риск. Свобода или смерть. Нашлись смельчаки среди наших ребят, силой захватили в кулябском полку три боевые машины и пошли на выручку. К этому времени боевики оппозиции уже блокировали российский полк в поселке имени Ломоносова, в полутора километрах от Курган-Тюбе. Цель у них была — захватить полк. Поселок полностью окружили — бронетехника МВД, гранатометы, снайперы. Боевики уже сидели на заборах, ограждающих полк, но военные не предпринимали никаких действий даже тогда, когда на территории части были убиты солдат и офицер, потому что получили сверху указание:

«Держите нейтралитет, не вмешивайтесь...»

Если бы наши ребята опоздали на пару часов, полк был бы захвачен...

2 сентября меня разбудили в три часа ночи и сообщили, что утром в Курган-Тюбе на площади возле исполкома оппозиция собирает митинг якобы затем, чтобы договориться о перемирии. «Может быть, в самом деле хотят мира», — думал я, собираясь на митинг. На всякий случай я оставил двенадцать боевиков охранять поселок имени Ломоносова, а сам с чetyрьмя своими телохранителями в десять часов утра пришел на площадь.

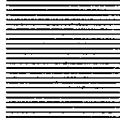
На площади стояли два БТРа, а собравшиеся люди четко делились на две половины. С одного края, напротив облисполкома, стояли безоружные мирные жители — старики, женщины, дети, среди них немало русских. С противоположной стороны собрались люди с оружием, боевики оппозиции. Потом уже мы узнали, что в здании облисполкома заранее засели омовцы — сто двадцать семь стволов.

Я обратился к боевикам:

— Как вас понимать? Вы приглашаете нас и говорите, что хотите заключить перемирие, а сами вооружаетесь. Я вижу, что здесь опять повторяются площади Озоди и Шахидон. Одни — безоружные, другие — вооружены... Одумайтесь, не начинайте кровопролития. Пора остановиться!

Я перешел через площадь на ту сторону, где стояли боевики оппозиции, взобрался на БТР и вновь обратился к ним с призывом:

— Запомните раз и навсегда: в этой братоубийственной войне не будет победителей

и побежденных. Нация исчезнет. Ради сохранения нации и народа давайте заключим перемирие и разойдемся отсюда как братья.

Они хотели схватить меня, но, видимо, не решились. Расступились, образовав в толпе коридор. Я спрыгнул на землю и вместе с братом и еще тремя парнями пошел на другой конец площади к микрофону. Слышу, сзади в толпе кто-то говорит:

— Настало время. Надо его убрать.

Я спокойно ответил:

— Ты этого никогда не сделаешь. Если бы мне было суждено, то меня еще там, в казиате, уничтожили бы. Мне еще долго предстоит жить и доказывать всем вам, что мы добьемся своей цели. А тот, кто вроде тебя готов убить своего брата, никогда не дойдет до конечной цели. Подумай об этом. Одумайся, пока не поздно.

В тот миг я думал не о себе, первым моим долгом было вывести с площади женщин, стариков и детей, потому что я понял, что оппозиция замыслила провокацию и скоро на площади начнется бойня.

Я перешел через площадь и взял микрофон. Мне надо было разъяснить народу, что задумала оппозиция, и убедить женщин, стариков и детей разойтись по домам. Это мне удалось. Люди спокойно ушли с площади через Ургут-махаллю — поселок, расположенный позади облисполкома. На площади осталась одна молодежь.

В это время подъехал третий БТР и остановился возле первых двух. Все три машины направили стволы в нашу сторону. Обстановка накалилась. И тут же подъехал милицкий «уазик», патрульная машина, прибывшая из Куляба для поддержания порядка на митинге, поскольку кулябская милиция в самом деле поверила, что будет заключено перемирие. «Уазик» остановился, но выйти из него никто не успел. Как только открылась дверца, раздались выстрелы. Оппозиция начала обстреливать нас с чердака и балконов облисполкома и из трех БТРов. Тут же на месте возле памятника Ленину полегло одиннадцать наших людей. Мне надо было что-то предпринять, чтобы нас всех не перестреляли с тыла. Хорошо, что на помощь подоспел Лангари Лангариев со своими боевиками, вооруженными двенадцатью стволами и пулеметом. Когда началась перестрелка, омовцы, засевшие в здании облисполкома, спустились в подвал здания. Я сказал Лангари:

— Немедленно блокируйте выход, выводите их по одному и разоружайте.

Нам удалось обезоружить омовцев

(среди них оказались двое русских парней), забрали у них бронежилеты, боеприпасы, автоматы. Но убивать их не стали, отпустили живыми и сказали:

— Идите с Богом и передайте своим лидерам и всем памирцам, что мы не намерены убивать друг друга. Наша цель — сохранение нации.

(О том же я говорил на встрече в Хороге:

— От братоубийственной войны выгоды не будет никому. Вместо того чтобы воевать и поддерживать казиат, объединяйтесь с нами. Создадим один мощный кулак. Построим железную дорогу от Курган-Тюбе до Куляба, а от Куляба — до Памира. Соединим горцев с долинами. В этом наша цель и задача. Запомните: без долин вам будет трудно. А победить нас вы все равно не сможете, потому что мы, сыны Хатлона, поклялись: «Или смерть, или свобода!» Мы будем биться с вами до последней капли крови. Так давайте лучше объединимся, пока еще не поздно.)

Перестрелка длилась целые сутки. Но сила была на их стороне, поскольку они имели технику, и мы вынуждены были отступить в поселок имени Кирова. Там собрали силы и вновь пошли в наступление. Нас выручили те три боевые машины, что мы захватили в Кулябе. За две недели город Курган-Тюбе был полностью очищен от группировок оппозиционеров.

А затем мы освободили, один за другим, совхоз «Туркменистан», Колхозабад, Гаравути, Джиликуль, Шаартуз, Кабодбан, Кизил-Калу и в конце концов дошли до самой границы. Пяндж и Кумсангир мы не трогали два месяца и, чтобы избежать кровопролития, предлагали боевикам сдать оружие и прекратить сопротивление. Но они ушли со своими лидерами в Афганистан.

Стали мы наводить порядок в Вахшской долине. Случалось и так, что примазавшиеся к нам шакалы-мародеры безобразничали — грабили, насиловали. С ними расправа была короткой: попался с поличным — пулю в лоб здесь же, на месте. Все эти подонки разбежались — кто в Гиссар, кто в Регар, Кафирнихон, Нурек и принялись там бесчинствовать.

После того, как мы освободили Курган-Тюбе, я чуть ли не месяц подряд обращался к местному руководству:

— Возвращайтесь! Мы не собираемся и не имеем права отстранять руководство, поставленное государством. Иное дело, если народ сочтет нужным вас переизбрать. Вот тогда соберется сессия и выберут новые власти. Тогда вы и ответите за свои

действия. А сейчас, Бога ради, возвращайтесь, работайте с народом...

Ни один не приехал. Прошло время — начали появляться: здравствуйте, я ваша тетя. Приехал недавно директор текстильного комбината, фамилию его я забыл. Входит ко мне безо всяких церемоний, снимает шляпу, кладет на стол папку.

— Ас салому алейкум.

— Здравствуйте, — отвечаю. — Так, слушаю вас.

— Я — директор текстильного комбината.

— Какой директор? — спрашиваю. — Бывший или вновь назначенный?

— Бывший.

— Где вы были?

Он начал мяться:

— Да вот, по таким-то причинам отсутствовал, находился на лечении... Отпуск, болячень...

— Ну и будь здоров! Поезжай в Ура-Тюбе и лечись дальше. Почему ты оставил народ? Твой коллектив тебя вскормил, а ты бросил его на произвол судьбы и уехал, спасая свое богатство...

Я им всем говорю: «Вот эти ваши нейтральность и безразличие — самое страшное. Вы являетесь основными виновниками того, что произошло».

С народом надо считаться, за народ надо стоять. Но руководители партии и государства забыли о своем долге. Народ вскормил их, народ их возвысил и поставил над собой. Почему они оторвались от народа? Почему они допустили все это? Какие цели преследовало правительство наверху, дав возможность фанатикам поднять голову и совершить преступления против своих братьев? Думали ли народы Молдавии и Приднестровья, что между ними начнется братоубийственная война? Думали ли о том в Грузии и Абхазии? В Азербайджане и Армении... И, наконец, в Таджикистане...

Во всем, что случилось с нами, я обвиняю Горбачева и всех этих прогнивших карьеристов, генералов-адмиралов. Это они довели нас до нынешнего состояния. Из России зараза потихоньку проникла и сюда, в Среднюю Азию. Исламистам дали слишком большую свободу действий, и вот Таджикистан оказался втянутым в братоубийственную войну. Сейчас весь мир узнал, каковы намерения исламистов, и во всех государствах против них ведут борьбу. Если бы они нас сломили и захватили власть в Таджикистане, нашей участи не миновали бы и другие республики, включая Россию. Поэтому я говорил не раз,

обращаясь ко всем правительствам и военачальникам: «Пока еще есть возможность, помогите справиться с ними здесь, а Таджикистане. Как бы не пришлось вам потом Россию оборонять».

Мы, таджики, — мирный народ. Никогда мы не думали, что на нашу землю придет такое несчастье. Сыны Хатлона — гордые, сильные, гостеприимные люди, но нас заставили взяться за оружие, чтобы защитить свою Родину и очистить ее от мрази, которая посягала на самые основы человечности. Мы — первые ласточки и мы станем примером всему миру.

Нам нужен мир. Я радуюсь, когда беженцы возвращаются сейчас в свои родные места. И меня очень беспокоит, что часть из них до сих пор находится в Афганистане. Здесь, на территории Хатлона, мы уже разместили тех, кто вернулся. Они поняли, что мы не собираемся их преследовать. Они тоже — наш народ. Нас разделили, расчленили на два лагеря, но мы хотим сделать все, что в наших силах, чтобы объединиться и восстановить жизнь такой, какой она была раньше, до событий февраля 1990 года. Мы стараемся убедить афганские власти и наших соплеменников в Афганистане, таджиков, чтобы беженцам дали возможность вернуться домой как можно скорее. Мы даже обратились в ООН, во все общественные организации мира, чтобы нам помогли возвратить этих людей. Надо вернуть каким-то образом и тех, кто не хочет или боится возвращаться. Каждый из них, если он виновен в преступлениях, должен как мужчина ответить перед народом. Пусть придет с опущенной головой и скажет: «Да, я преступник. Если можете, простите меня». Народ — он добрый, благородный, он может поверить. Он простит.

Выступая на площади Озоди 1 мая 1992 года, я спросил народ:

— Если казикалон вернется сейчас, придет с повинной и будет просить у вас прощения, способны ли вы простить его?

И народ ответил:

— Да, пусть придет кази, и мы простим его. Может возвращаться и служить в мечети, какую сам выберет. Только пусть он больше не вмешивается в дела государства, чтобы у него не было возможности разделять нацию...

И я сейчас говорю: хватит разделения! Оно привело уже к тому, что весь бывший Советский Союз полыхает огнем. Если мы сейчас не добьемся единства, потом будет поздно, и память дедов и прадедов никогда

не простят нас. И люди будущего не простят нас. Придут и осквернят наши могилы за то, что мы не смогли объединить народы и создать единый, цельный, неразделимый, многонациональный союз, подлинно народное, демократическое государство, где люди могли бы жить спокойно, трудиться, чтобы наши жены рожали бы благородных и талантливых сынов, служащих своему народу.

И я обращаюсь к народам России и народам мира. Пока еще не поздно, давайте решать совместно настоящую и будущую свою судьбу. Судьбу народа. Всех народов мира. Это все в наших руках.

Рукопись с воспоминаниями Сангака уже находилась в типографии, когда из Таджикистана пришло сообщение о том, что он убит.

В день своей гибели он встречался на афганской границе с представителями таджикских беженцев, которые жаловались ему на то, что некоторые боевики препятствуют их возвращению на родину, продолжая мстить не только тем, кто воевал с оружием в руках, но и мирным жителям. Сангак лично пообещал им безопасность и сказал, что сам разберется с полевыми командирами, притесняющими беженцев в Хатлонской области.

Возвращаясь с границы, Сангак со своей личной охраной завернул в небольшое селение вблизи Курган-Тюбе, где находился штаб полевого командира Файзали Саидова, на которого жаловались беженцы.

Файзали — фигура, почти столь же легендарная в Таджикистане, как и Сангак.

Рассказывают, что в самом начале войны боевики оппозиции захватили отца Файзали. Полевой командир умолял вернуть ему отца живым и предлагал взамен отпустить всех взятых им пленных. Отца принесли ему в мешке. Он действительно был жив и еще дышал... Старика зверски пытали, вырвали ногти, лоскутами содрали кожу... И Файзали начал мстить за отца. Прославился он не только своей безумной храбростью, но и жестокостью. Не щадил противника, не берег ни своих бойцов, ни себя. Одержимый лишь одной идеей мести, он действовал на свой страх и риск и не подчинялся никому, в том числе и Сангаку.

По версии репортера ИТАР-ТАСС, Сангак приехал ночью к Файзали и потребовал, чтобы тот прекратил преследовать беженцев, желающих вернуться на родину, сдал оружие и распустил свой отряд. Начался спор, в ходе которого Файзали (либо кто-то из его телохранителей) застрелил Сангака. И тут же охрана Сангака расстреляла Файзали. По другой версии, оба они — и Сангак, и Файзали — погибли в автомобильной катастрофе. В официальном заявлении руководства Таджикистана, опубликованном сразу же после трагического события, говорится, что «главные сыны таджикского народа погибли от рук подлых наемных убийц, врагов свободы таджикской нации».

Жизнь Сангака стала легендой гораздо раньше, чем я мог вообразить, начиная предисловие к его воспоминаниям словами о том, что эти мемуары уже принадлежат истории.